

Маркевич Болеслав Михайлович

**На повороте. Два романа Б.М.
Маркевича**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Б79

Б79 **Болеслав Михайлович М.**
На повороте. Два романа Б.М. Маркевича: Том 2 / Маркевич Болеслав Михайлович – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 318 с.

ISBN 978-5-519-95426-6

ISBN 978-5-519-95426-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЗАБЫТЫЙ ВОПРОСЪ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Und die Tugend sie ist kein leerer Schall,
Der Mensch kann sie üben im Leben;
Und sollt'er auch straucheln überall
Er kann nach der göttlichen streben,
Und was kein Verstand der Verständigen sieht
Das übet in Einfalt ein kindlich Gemüth.
Schiller. *Die Worte des Glaubens.*

I.

O matutini albori!

Отъ нашей деревни до Богдановскаго считалось верстъ десять *шляхомъ*, а проселкомъ, чрезъ лѣсъ, и половины того не было. Въ счастливые дни, когда мнѣ удавалось отбыть урокъ на славу (надо было для этого отхватать наизусть страницъ восемь изъ курса французской литературы Вильмена), въ эти дни, часу въ седьмомъ послѣ

обѣда почтенный наставникъ мой, m-r Керети, провансалецъ и поэтъ романтической школы (*de l'école d' *Hernani* et des *Orientales**, какъ выражался онъ самъ), притомъ охотникъ страстный, но злополучный, выходилъ на крыльцо съ охотничьей фуражкой на головѣ, ружьемъ въ рукѣ и ягдташемъ черезъ плечо. За нимъ вылетала красивая собака его Сильва, лягавая польской породы, и съ радостнымъ визгомъ кидалась мнѣ на грудь.

— *Qui m'aime, me suit!* восклицалъ торжественно Керети, но и до этого Сильва, братъ Лева и я бѣжали взапуски къ оградѣ.

— Вести себя хорошо, дѣти, смотрите! раздавался съ балкона голосъ матушки.

— Галечку поцѣлуй, Лева, кричала изъ-за плеча ея сестра Настя.

Досадно мнѣ было всегда на Настю за эти слова, хотя я очень хорошо зналъ, что еслибъ она поручила не Левѣ, а мнѣ поцѣловать Галечку, я бы непременно сталъ алѣе тѣхъ маковъ, что цвѣли подъ ея окномъ.

Не останавливаясь добѣгли мы до лѣса и кидались, едва дыша, въ его высокую и зеленую траву. Какъ свѣжо, какъ привольно было тамъ въ палящіе дни нашего украинскаго лѣта! Всю жизнь, кажется, пролежалъ бы въ этой пахучей травѣ, да глядѣлъ бы въ небо сквозь темные листья дубовъ, да слушалъ бы какъ гомонить лѣсъ всѣми голосами своими: трещить кузнецикъ, шепчуть листья, кудкудахтаетъ перепелъ;

незримая, въ самой чащѣ, тоскливо кукуетъ зозуля. Солнце заходитъ... Ахъ, да гдѣ тѣ слова, которыми я могъ бы сказать какъ хорошо было въ нашемъ лѣсу въ эти вечерніе часы...

Но вотъ вблизи раздается выстрѣлъ и затѣмъ знакомый голосъ:

— Je l'ai manqué, malédiction! восклицаетъ съ досадой почтенный нашъ наставникъ.

Увы! та же исторія повторяется съ нимъ ровно каждый разъ какъ вздумается ему стрѣлять. Досада его тотчасъ же обращается на добродушную Сильву, которая, услыхавъ выстрѣлъ, кинулась со всѣхъ ногъ, съ поджатымъ хвостомъ, въ совершенно противоположную сторону.

— Malédiction! восклицаетъ еще разъ Керети и бѣжитъ на нее съ поднятымъ ружьемъ.

Напрасно—Сильвы и слѣдъ простылъ. Лева прыгаетъ въ восторгъ. Онъ радъ всякой неудачѣ m-г Керети, котораго страшно боится...

Въ лѣсу все темнѣе и прохладнѣе; его уже начинаютъ облекать вечернія тѣни. Просѣлка повернула вправо. По извилистой и крутой тропинкѣ спускаемся мы въ Холодную-Балку, довольно глубокий оврагъ, на днѣ котораго шумитъ и пѣнится быстрый ручей, падая съ обрыва на камни. По обѣимъ берегамъ его навалено по грудѣ щебня, а на нихъ лежитъ мостомъ свѣже-срубленный кленъ; поблеклые его листья печальными, сплывшимися гроздями купаются въ водѣ.

— Attention! кричитъ Керети, но мы уже

прыгаемъ на деревѣ, весело чувствуя какъ оно гнется и скрипитъ подъ нашими ногами.

За ручьемъ начинаются владѣнія Оомы Богдановича Галагая. Еще минутъ десять ходьбы, и изъ-за опушки рѣдѣющаго лѣса выглянуло и само Богдановское, во всей тихой прелести украинскаго вида. Направо широкоразмѣтавшееся село подъ тѣнью яблонь и черешень. Налѣво, на пригоркѣ, господское строеніе съ обширнымъ садомъ, окаймленнымъ высокими тополями. За садомъ синѣетъ широкое озеро, пропадая вдали. Между усадьбой и селомъ большая каменная церковь съ зеленымъ куполомъ, а надъ нимъ серебряный крестъ, весь облитый прощальнымъ свѣтомъ заходящаго солнца.

Мы уже близко. Я начинаю чувствовать какую-то пріятно щекочущую истому; сердце бьется шибче, не то отъ ходьбы, не то отъ ожиданія. Мы подходимъ къ плетню, которымъ обнесень садъ и изъ-за котораго въ одномъ мѣстѣ торчитъ что-то въ родѣ скамейки, взбираемся на нее, перекидываемъ ногу черезъ плетень, на другую оконечность ея, причемъ Керети ворчитъ что-то про себя о варварскомъ краѣ, гдѣ и калитокъ не умѣютъ устроить, и спускаемся въ садъ.

— Ау! кричитъ Лева.

— Ау! отвѣчаетъ ему голосъ изъ ближней аллеи.

А, чай вѣрно поданъ въ бесѣдкѣ. И точно: Оома Богдановичъ узналъ насъ. Изъ довольно обширной тесовой бесѣдки, на фронтонѣ которой

вычурными кармазиноваго цвѣта буквами по бѣлому фону начертана надпись: *Монрепо, храмъ отдохновенія*, выходитъ маленькій, толстый и лысый человѣчекъ, похожій на ходячую дыню, и протягивая къ намъ коротенькія руки, колеблется отъ смѣха и кричитъ: «Здорово, здорово, мусья французики!» Оома Богдановичъ насъ иначе не называетъ. А за нимъ показалась добрая Анна Васильевна, и ея кроткіе глаза улыбаются такъ привѣтно, она видимо такъ рада намъ, что Лева и я, вмѣсто того, чтобы подойти къ ручкѣ, какъ приличествовало бы благовоспитаннымъ дѣтямъ, кидаемся къ ней просто и оба разомъ на шею. Но глаза мои уже ищутъ Галечку. Она тутъ, въ бесѣдкѣ, за столомъ, уставленнымъ чашками и тарелками, полными плодовъ. Она поднялась было на встрѣчу намъ, но я слышу какъ гувернантка ея, miss Пункъ, говоритъ ей довольно громко: «For boys? Sit down!» И она сѣла, послушная и приличная какъ всегда, скромно опутивъ глаза и слегка закусивъ нижнюю губу. Хотя бы посмотрѣла на меня! думаю я, и мнѣ кажется, что мнѣ непременно въ эту минуту надо быть печальнымъ, а между тѣмъ, какъ нарочно, на душѣ у меня не печаль, а напротивъ такъ легко, такъ весело! Лева, съ своей стороны, къ неопisanному удовольствію великаго пріятеля своего, Оомы Богдановича, дурачится въ волю, безъ помѣхи. Керети не занимается имъ. Онъ присосѣдился къ чопорной и кругленькой миссъ Пункъ и, по обыкновенію своему, начинаетъ дразнить ее. Англи-

чанка краснѣетъ и сердится; и нашъ наставникъ, достигнувъ своей цѣли, самодовольно улыбается и продолжаетъ уже тише свой, испещренный романтическими фразами и каламбурами, французскій разговоръ, котораго на половину не понимаетъ миссъ Пинкъ.

А между тѣмъ Оома Богдановичъ, поднявшись на цыпочки и ухвативши за воротъ дворцоваго своего, Богуна, шепчетъ ему что-то на ухо. Богунъ, рослый и усаый казакъ, въ широчайшихъ шароварахъ и зеленомъ жупанѣ, шитомъ желтыми шерстяными шнурами, выслушиваетъ, низко нагнувши голову и добродушно моргая глазами, это таинственное приказаніе, и затѣмъ скрывается. Оома Богдановичъ, потирая руки, ходитъ за нашими стульями, поддразниваетъ Леву, щекочетъ по затылку то дочь, то меня, всѣхъ потчуетъ и суетится и хохочетъ пуще всѣхъ.

Время идетъ. Въ померкшей вышинѣ уже зажглись и мигаютъ звѣзды. Изъ-за тополей выплыла луна и потекла по чистому небу. Блѣдно-золотистый свѣтъ ея мягко играетъ тогда на волосахъ Галечки, озаряетъ ея тонкій, нѣжный профиль, и, глядя на нее, мнѣ вспоминается сказка,—дядька мой Максимычъ на нихъ большой мастеръ,—о распрекрасной царевнѣ, что въ высокомъ терему сидитъ пригорюнившись у окна косящата, съ огненною звѣздой среди самага лба.

Вдругъ, среди общей тишины, раздаются звуки. Поютъ, поютъ дивную украинскую пѣсню.

Свѣжій дѣтскій голосъ, свѣтлый и звенящій какъ стекло, zaczynaеть:

Сыдыть голубъ на берези, голубка на вышні;
Скажи мині, сердце мое, що маешъ на мысли!
Якъ не хочишь, мій мыменькій, дружиною быти,
То дай мині таке зилья, щобъ тебе забути!

А за нимъ, густые и мягкіе какъ бархатъ голоса, принимаютъ тихимъ хоромъ:

Буду пыты черезъ сылу и крапли не впушу;
Тоди тебе я забуду, якъ очы заплюшу.

Это пѣвчіе Оомы Богдановича, собранные Богунемъ въ большой аллеѣ. Объ этомъ-то такъ таинственно шепталъ на ухо своему дворецкому, вися на его воротѣ, Оома Богдановичъ.

— Согласно спиваютъ, бисовы дѣти! говоритъ онъ по-малороссійски, отъ избытка чувствъ; вся круглая фигурка его сіяетъ торжествомъ. — А что, Гануся, каковъ голосъ у Онисыма сына? спрашиваетъ онъ, подходя къ женѣ, — сегодня въ первый разъ поетъ!

Но Анна Васильевна не отвѣчаетъ. Она только головой качнула и вся ушла въ свое кресло. Оома Богдановичъ очень доволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на жену пѣвчими; онъ проводитъ рукой по ея волосамъ. Анна Васильевна не измѣнила положенія, только рука ея тихо ловитъ руку мужа и подноситъ ее къ губамъ...

А хоръ поетъ между тѣмъ:

Любилися, кохалися, якъ голубкы въ пари,
А тепера розыйшлыся якъ чорніи хмары.

И льется пѣсня за пѣсней въ невозмутимой ясности лѣтняго вечера. А деревья чуть-чуть трепещутъ; зашепчутъ верхушки тополей подъ набѣгающимъ вѣтеркомъ и опять смолкнутъ... Боже мой! гдѣ оно, гдѣ это счастливое время?...

— Господа, пора домой! говоритъ Керети, показываясь на порогѣ бесѣдки.

— Погодите, погодите! восклицаетъ торопливо Оома Богдановичъ, — сейчасъ *Уайку* спюють, безъ *Уайки* я васъ не пущу.

Но наставникъ нашъ неумолимъ, и, не дождавшись *Уайки*, мы идемъ, сопровождаемые всѣмъ семействомъ Галагаевъ, ко двору, гдѣ ждетъ присланная за нами бричка. Прощаемся.

— Скажите маменькѣ, чтобы въ воскресенье непременно привозила васъ, говоритъ Анна Васильевна, осѣняя насъ крестомъ на благополучный путь.

— Настя приказала поцѣловать тебя, Галечка! восклицаетъ вдругъ Лева. Ему только теперь вспомнилось порученіе сестры.

— Такъ на же и ей отвези, отвѣчаетъ Галечка и цѣлуетъ его въ лобъ. — Прощайте, Боренька, обращается она затѣмъ ко мнѣ, и низко присѣдаетъ. «Какая она лукавая, думаю я, счастливецъ Лева!»

А счастливецъ Лева и не догадывается о своемъ счастьи; онъ заснулъ какъ убитый, едва прикоснулась голова его къ подушкамъ брички. Правда, ему всего двѣнадцатый годъ, а мнѣ уже минуло пятнадцать!

Тронулись. Бодрою рысью бѣгутъ наши кони по гладкой дорогѣ, вьющейся лентой среди безконечныхъ полей. Свѣжій вѣтерокъ вѣетъ въ лицо. Тихо зыблется, куда ни взглянешь, уже высокій, тяжелѣющій колось. Темное облако набѣжало на мѣсяцъ. Впереди загорѣлся огонекъ: это чумаки заночевали въ *стену* и варятъ ужинъ. Мы быстро проѣзжаемъ мимо ихъ; я едва успѣваю замѣтить два загорѣлыя лица въ бараньихъ шапкахъ, на-двинутыхъ на самыя брови, съ *люльками* въ зубахъ, костлявую руку, протянутую къ котелку, широкую голову вола и колесо телеги, ярко освѣщенные пламенемъ. А тамъ потянулись опять несчетныя волны колосьевъ и будто совершаютъ какое-то чудное таинство, такъ молчаливо и важно изгибаются они надъ землею. Подымешь голову, а тамъ еще многочисленнѣе и таинственнѣе, и несчетнѣе колосьевъ, все новыя и новыя звѣзды будто льются изъ темной глубины неба. «Максимиць, думаю я, до сихъ поръ увѣренъ, что звѣзды—это все праведныя души, смотрящія на землю. А неужели на родинѣ Керети лучше чѣмъ у насъ, спрашиваю себя, глядя на моего гувернера, уснувшего рядомъ съ Левой, онъ съ такимъ восторгомъ говорить о ней? Нѣтъ, не можетъ быть, не повѣрю, чтобъ было гдѣ-нибудь лучше чѣмъ у насъ! Вотъ какъ поютъ Богдановскіе пѣвчіе:

Да не будетъ краше нашей Украины!

«Да не будетъ краше»... повторяю я, обнимая за шею друга моего, Сильву, лежащую подлѣ

меня на передней скамейкѣ брочки (она догнала насъ уже въ Богдановскомъ) и укладываясь головой на ея спинѣ. А кони мчатся все такъ же быстро, такъ же звучно грохочутъ колеса... Но нѣтъ, это уже не грохотъ колесъ, это иные звуки: мнѣ чудится, точно все поетъ кругомъ меня, и безграничное поле, колыхаясь подъ вѣтромъ, и старый лѣсъ нашъ съ его темными дубами, и ручей прыгающій по камнямъ оврага, и всѣ они хоромъ поютъ:

Да не будетъ краше нашей Украины!

«Сидить голубъ на берези, голубка на вышни», начинается вдругъ нѣжный дѣвичій голосъ. Это голосъ Галечки! Да, точно, это она, въ вѣнкѣ изъ колосьевъ, а среди ихъ, невыносимымъ блескомъ горитъ самая яркая звѣзда неба...

— Какъ вы запоздали! слышу я сквозь сонъ. Открываю глаза и снова быстро зажимаю ихъ. Изъ окна бьетъ прямо въ брочку ослѣпившая меня полоса свѣта,—вотъ она, Галечкина звѣзда. Мы дома, сама матушка стоитъ на крыльцѣ.

— Я давно васъ жду, говоритъ она, цѣлуя насъ, — мнѣ уже Богъ знаетъ что вздумалось. Керети отвѣчаетъ, что она совершенно напрасно тревожила себя, она молъ вѣрно позабыла, что онъ былъ съ нами. Соннаго Леву уносятъ на рукахъ въ дѣтскую. Я самъ едва держусь на ногахъ, едва въ силахъ пожелать доброй ночи матушкѣ и тетушкѣ Фелисатѣ Борисовнѣ, бабушкиной сестрѣ, которая, въ огромномъ тюлевомъ